

**Светлана Николаевна Бобылева.** Её уже нет с нами, но в наших сердцах она навсегда – живая, одухотворенная, красивая, со светлой и радимой душой. В ней уживались первоклассный геолог, открывший редкий минерал хизлевудит, невероятно талантливый журналист и мастер слова, исследователь, краевед, истинный ценитель и почитатель не только красот, но и истории карельского края.

Светлана Николаевна родом из Башкирии. После окончания геолого-географического факультета Томского университета приехала в Карелию. Большую часть своей трудовой жизни отдала Валдайскому району (региону), богато-му полезными ископаемыми. Полевая жизнь её никогда не тяготила, в лесу она чувствовала себя порой лучше, чем дома. Говорила, что лес дает силу и побуждает к творческой работе. Она всё замечала, пропускала через сердце, наверное, потому так пронзительно свежи, искренни и глубоко по содержанию ее этюды. И не было разницы в том, о чем писала: о проблемах маленьких деревень или о тяжелых и малоизвестных исторических событиях, о своих земляках или об удивительном явлении цветения сосны.

Этюды и очерки Светланы Николаевны регулярно печатались в районной газете «Доверие», почти десять лет назад были опубликованы и в журнале «Север».

Книга, отрывки из которой мы вам предлагаем, – единственный сборник произведений Светланы Бобылевой. К сожалению, она так и не увидела свои работы собранными воедино.

Материалы автора под одну обложку собрали сотрудники Сегежской центральной районной библиотеки Лидия Синявина и Оксана Расчетнова. Они назвали книгу «Мозаика этюдов». Может быть, сама Светлана назвала бы её по-другому. Как знать. Но представляется, что из описаний озер и лугов, леса и птиц, ягод и папоротников действительно сложился великолепный узор карельской природы.

Библиотекари в своей работе были не одиноки. За помощь и содействие они благодарят Тамару Митрофановну Омеляненко, редактора газеты «Доверие», которая хорошо была знакома со Светланой Николаевной лично, а также выражают признательность за предоставленные материалы семье С.Н. Бобылевой.

## Светлана Бобылева



### Время желтых цветов

... **В**есна на севере бурная. Только что появилась из-под снега земля в жухлой траве, через день-два она уже изумрудная, новая, молодая. И после зимнего мрака пошло отражаться в ней золотое солнечное тепло – в цветах: первыми раскрылись большие желтые калужницы, еще талая вода вся не ушла; через пару дней зажглись купальницы – их бледно-зеленые бутоны стали ярко-желтыми пышными цветами, следом загорелись огоньки одуванчиков, чуть позже – желтые искорки лютиков, с каждым днем их все больше, и вот весь луг стал желтым, солнечным. Лютики – это уже переход весны в пролетье.

А когда в желтых полях появляются синие крапинки – это пришло лето, раскрыла синие глаза вероника. Вот она набрала силу – на лугу пошли разливать синие озера и ламбушки, расстилать синие полотна – так много ее оказалось. К синей веронике прибавились белые поляны кружевных купырей, потом зацвела розовая гвоздика-травянка – понеслось разноцветное лето... Синюю веронику сменили голубые колокольчики – уже не озера и ламбушки, а только ручейки и лужицы...

Время желтых цветов – весна и пролетье. Летом, когда солнце высоко и заликает землю горячим расплавом, – другие краски. В жаркое лето

они бывают необычайно роскошными, но быстро блекнут... А «желтики» уходят – в будущее, в новую весну.

## Двенадцать месяцев

**У**дивительная страна – Россия. Все двенадцать месяцев года в ней разные. В большинстве других стран нет таких контрастов, границы времен года размыты.

Много времени в нашем году занимает холод и скудные краски с преобладанием белой. Но даже зимние месяцы очень отличаются один от другого.

Из всех двенадцати самый мой любимый – февраль. Он золотой и нежный, в нем ясно просвечивает уже близкая весна, хоть сам он вполне зимний и часто бывает у нас очень холодным. Но предчувствие весны в феврале особенно сильно – столько света, первая капель, розовые утра – надежда, обещание, предвестие...

А самый нелюбимый – ноябрь. Месяц бесконечных обледенений, беспросветности – сплошное погружение во тьму.

В декабре день продолжает убывать, тьмы прибавляется, но знаешь, что скоро она остановится и пойдет вспять, вот только дожидь до солнцеворота... Мне всегда казалось, что после этого рубежа жизнь пойдет легче, будто трудный подъем на высокую гору вот-вот сменится легкостью спуска.

В январе к зиме уже привыкаешь, уже радуешься скупому зимнему солнцу и белой свежести снега, а такое прозрачно-зеленое небо бывает только зимой, только в морозы...

В какой-нибудь Франции или Германии, даже на Украине март – это весна, а у нас – зима, хотя света в нем еще больше, чем в феврале, а иногда и вода просыпается, до ручейков дело доходит. Но еще много метелей и снегов приносит март, и такая, уже совсем светлая, зима перешагивает в апрель.

Два года последних дарили нам неожиданно теплые апрели, но мало кто этому радовался: «Рано затает – долго не растает». А природа словно не чуяла коварства: доверчиво зажигались зеленые огоньки листочков, набирала белые шарики бутонов черемуха... Опасения оправдывались: за теплым апрелем следовал такой холодный май, будто эти два месяца поменялись местами. Листья никак не могли до конца распусться, их зеленые огоньки задували метели, и казалось, тепло никогда не придет...

Июнь не зря называют пролетьем. Природа устала ждать тепла, как и человек, а дождавшись наконец, так бурно трогается в рост и расцвет, что за считанные дни наверстывает все «упущенное» не по своей вине.

Настоящее лето – это июль и август, и как же быстро они пролетают с сенокосами, зеленой листвой, грозами, дождями, ягодной страдой, их любят все, так же как и яркий сентябрь с уже угасающим теплом. А я люблю октябрь – второй мой любимый месяц после февраля. В октябре улетаю птицы, он весь пронизан этой прощальной музыкой перелета и пахнет вином тлеющих листьев. Стужа и свежесть все нарастают, а вот и «белые мухи»...

И снова – беспросветный ледяной провал ноября и трудный подъем на гору жизни к солнцевороту...

## Заглянем в землю

**С**кучное слово – прополка. И дело скучное и грязное – вытаскивать из земли сорняки. Не берет их ни заморозок, от которого культурные растения скукоживаются, ни таракашки-букашки, начисто съедающие овощные посева... А какая жизнестойкость! Вот колючий осот. Корни его разбегаются во все стороны кривыми мясистыми канатами, легко обрываются, чуть потянешь, а разберет азарт, начнешь раскапывать – и выкопашешь целую пулеметную ленту с острыми пулями – ростками. Это осенью. Весной эти пули «выстрелят», причем пробьют и кусок глины, которую не берет лопата, и щепку – все, что встретят на пути. А из любого забытого в земле обрывка корня тоже непременно вырастет новое колючее чудовище, из толстого – помощнее, из тоненького – похилее... Овсяница тростниковидная и душистый колосок хороши на покосе, в сене, но на огороде оба эти злака – злостные сорняки. Белые веревки их корней за лето убегают от основного растения на полтора-два метра.

Ничто с такой силой не вцепляется в землю, как крапива. Кто пробовал выдернуть ее с корнем, знает, какое мощное усилие для этого нужно. Желтые корни ее необычайно жилистые, к главным жилам добавляется целая кисть тонких корешков, и бегут они во все стороны, нащупывая землю побогаче, а поверху ползут еще и толстые «усы», как у клубники, то и дело укореняясь в самых плодородных участках и выбрасывая вверх

новые кусты. Если все же, поднатужившись, вы выдрали куст крапивы, оборвав при этом несколько толстых жил, будьте спокойны – очень скоро они дадут жизнь новым растениям...

А уж хвощи, бич кислых северных полуболотных почв! Если ваш огород представляет собой засыпанное песком болото, то от хвощей можно спастись, если слой песка будет больше метра, а если меньше – из болотной подстилки они рано или поздно пробьются. Другой хвощ, не менее вредный, полевой, так называемая «елочка». Обожает дерево – стоит сделать короб для грядки – и побежали его коричневые корни, похожие на медные провода, вдоль доски, за лето на два метра прирастают, да еще в стороны мощные отводки дают.

Тяпки ни осот, ни хвощ не боится. Перекопка и перерубание корней им тоже не страшны, только помогут размножиться. Лишь одно оружие в битве с ними действительно – «дурную траву с поля вон».

...Лютик с мощной кистью цепких белых корешков – тоже любитель «кисленького», особенно тот, что усами размножается. Живучесть его обеспечивается еще и множеством семенных головок, колючих «ежиков», быстро возникающих на смену желтым цветам. Каждая иголочка такого ежика даст новый лютик, и если зазеваться – они образуют сплошной ковер, заглушив и вытеснив морковку, редиску, укроп... Или мать-и-мачеха – корни у нее толстые, белые, сочные, их, кстати, любят кролики. Останется в земле кусок корня в полтора сантиметра весной – летом из него непременно новый куст вырастет, да еще во все стороны корни-разведчики отправятся, не успеешь оглянуться, как пол-огорода пронизжут...

Каждое из этих растений по-своему красиво и полезно, не хотелось бы их рассматривать как врагов, да жизнь заставляет. Без боя они не уступят «культурным» свет и питание. Прополка – это «битва за урожай».

### Княженика

**Л**оза у этой ягоды не толще клубничной, только длинна в меру, покрыта шипиками да плавно и легко изогнута.

Цветок крашен, как лепестки иван-чая, только нежнее. Растет она у дорог, и в лесах, и на мху – в самых сырых и мрачных местах может сверкнуть смелая нежность ее цветка. Всегда его хрупкая звездочка кажется неожиданной, даром каким-то

светлым, малым чудом лесным. Чувство это оттого, что живет цветок коротко, как зарница.

Главное же – сама ягода, видом ежевика, только алая, а вкусом и запахом не схожа ни с чем. Вроде не заморская, своей землей пахнет, да только самым чудесным этой земли, должно быть – детством.

Скромница она, на виду не зреет. Случится заглянуть в травяную чашу – и ослепит она тебя маленькой рубиновой радостью. Горит на гнутой лозинке теплою кровью сквозь тонкую кожицу, кажется, тронешь – живая.

Смотришь на эту горячую капельку – и вдруг радость шальная, мальчишеская с головой потопит, будто в детстве очнулся от сна и в утреннем солнце его доживаешь. Был ты во сне юным князем, владел огромной землей, а вся красота ее тебе открывалась, когда ты летел на белом коне по ветрам да по травам... Проснулся – и все еще летишь, и вольно тебе, и светло... Весь день потом хорошо.

Ягодники ее не тронут – редка она, хитра для сбора, и хотя лучше всех других ягод и видом, и духом, и вкусом – не дается, живая будто.

Для радости растет, детством пахнет.

### Тающий звон

**Д**олго стоит в эту весну лед на озере – холодно. В солнечный день слышно, как тает снег: тихий шепот такой, слабый шелест... Лед меняет цвет – вот остаются черные поля, черные льдины-островки. Подул ветер к берегу, нагнал этих льдин и полей полный залив, можно стало рассмотреть их близко, то перекристаллизованный лед-минерал, множество призм-кристаллов, сросшихся гранями в друзы. Гонимые ветром в разные стороны, поля-друзы распадаются на мелкие льдины, а те – на разрозненные кристаллы, и стеклано позванивают. Когда их вытащишь из воды, они тоже распадаются, кристаллы льда прозрачные и чистые, как хрусталь, сверкают на солнце, звенят и тают... Лед легче воды, вот друзы и плавают островками, насыщенными водой, что и делает их черными. Я черпаю их ведром и пересыпаю в «холодильник».

Сегодня у меня «работа с драгоценностями» – весь день в хрустальном звоне и алмазном сиянии...

## Царевна-морозка

Цветы у северных ягод обычно – либо крохотные фарфоровые кувшинчики (брусника, черника, голубика), либо невзрачные крестики (шикша-водяника, клюква), листики тоже мелкие – все говорит об экономичности, целесообразности: лето короткое, тепла мало.

Откуда же эта южная щедрость – огромный белый цветок, похожий на цветок яблони, роскошные резные листья, напоминающие виноградные?..

Как эстеты-театралы ждут гастролей любимого театра, так я всегда жду сезона морошки. Эстетическое наслаждение от этого ежегодного действия – восхождения ее под наше летнее небо – я получаю не меньшее.

...Вот еще листья скомканные, неразвернутые, и крепко сжат кулачок будущего цветка. В предстоящий урожайный год бутон опережает листья, будто рвется из земли к теплу и солнцу... И вот неведомые яблоневые сады уронили белую пену своего цветения в моховые поля наших болот... Следом опять – зажатые в кулачок завязи, и наконец морошка зажгла свои огоньки. Словно тысячи свечек горят на зеленом алтаре – гимн короткому лету...

Все скудное тепло и солнце северного лета аккумулирует ягода морошка. Созрела, раскрылась – золотые шарики, как лампочки, горят в изумрудных мхах, в рыжих багульниках – отдают этот накопленный свет и жар. Ярко-оранжевая, пронзительно-желтая – этими радостными, тропическими красками расшиты в июле-августе ковры северных болот.

...Зреет морошка в самую комариную пору, из матовой, твердой и красной становится мягкой, блестящей и огненной, и когда собираешь ее в солнечный день – она теплая, а в заготовках из нее всегда попадают комары. Сейчас, когда за окном метровые сугробы, метет и воеет, достанешь посудинку с морошкой – и улыбнешься: тонконогие кровопийцы замурованы среди ягод, как в янтаре...

А сок у морошки неожиданно розовый. В ведре, полном спелой ягоды, обязательно будет на дне стакан, а то и не один, густого розового сока – и разве сравнить его с тем, что мы пьем из ярких коробок, приплывших из-за морей-океанов? «Красители, загустители, консерванты» – сплошная химия, а этот розовый морошка достала корешками из земли, покрасила его летними зорями...

За морями ценят все подлинное – там устали от подделок, имитаций, подмен, – спрос на морошку высок, и год за годом выручает она нас, скрученных в бараний рог беспросветной нищетой, дает возможность хоть немного распрячиться. Только надо поклоняться ей хорошенько – заслужила это царевна-морозка...

## Шаги по земле

С изумлением замечаю: люди разучились ходить пешком. Еще полвека назад запросто ходили из деревни в деревню – 20, 25, 30 километров, а сейчас каких-нибудь 5 пройти – страшно. Будут час, два ждать автобус, машину, когда за это время можно дважды одолеть этот путь.

Человечество обезноживает – для хождения пешком нужны здоровые ноги, тогда движение – в радость. А болезней ног все больше – почему же тогда их не было? Наверное, потому, что много ходили...

Земля живая, только когда идешь по ней пешком. Сидя в машине, ее видишь как компьютерную картинку, меняющуюся, летящую мимо.

А когда не мимо – все иначе. Весна, холодная белая ночь, над всеми речками и ручьями – белый туман, а ближе подойдешь – и голос услышишь: то грубый рев, то взволнованную песенку. С восходом солнца туман тает, и просыпаются запахи. Весенняя земля чудесно пахнет. Цветут все невзрачные кустики – ивы, березки, и благоухают на всю округу, чем солнце выше – тем сильнее. А машина и пахнет – машиной...

## Северная линнея

...Вот так всегда: полжизни проведешь рядом с чудом, его не замечая. Оно маленькое, невзрачное, пока к нему не наклонишься, не приблизишь к глазам, не коснешься душой.

Северная линнея, «подколотная трава». Красноватая нить, усеянная крохотными, почти круглыми листочками – из-за них еще одно имя у травки – «копеечка»; «ползиха» – ползет по земле, будто пришита к ней частыми стежками-корешками. Она любит еловые леса и смешанные, где есть елки. Любит расти под их корнями, поваленными лесинами, вскарабкиваясь на них – потому и «подколотная». Карабкается она и на пни, на камни, выбегает из леса на тропинки длинные

ми «усаами». Остается на вырубках... Когда ее рассмотришь хорошенько, обнаружится, что она очень красива: листочки толстенькие, глянцевиные, с одним-тремя зубчиками, на солнце блестят, как лакированные. Трудно заметить линнею не только потому, что она маленькая, но и потому, что растет среди черники, брусники, других трав и кустарничков, она и сама – маленький кустарничек. Легко узнать ее во время цветения – примерно с 10 июня по 10 июля. Цветы линнеи – парные колокольчики на тоненьких, как волосок, цветоносах, удивительно нежные, белые с лиловатыми жилками и темно-розовым, рдеющим донцем, с неожиданно сильным незабываемым запахом, ни на что не похожим и очень приятным. Юрий Линник назвал их «колпачками сказочных эльфов».

Те, кто собирал чернику и бруснику грабилкой, не раз и не два ругали эту травку за то, что мешает брать ягоду, нанизываясь на зубья комбайна прочными, как суровые нитки, ползучими стебельками.

Северная линнея растет не только в Карелии, встретить ее можно по всему Европейскому Северу: и в Республике Коми, и в Архангельской области, а также в Швеции, Норвегии, Финляндии.

«Линнея бореалис» (это ее официальное ботаническое название) – трава целебная. Вот перечень народных названий, дающий представление о спектре болезней, ей подвластных: «брюшница», «урочная трава», «поясничная трава», «лесной чай». Названа она в честь знаменитого шведского натуралиста К. Линнея, для которого настой этого растения был единственным лекарством, помогавшим ему при головной боли – мигрени.

Известно более 40 лечебных эффектов линнеи, в их числе – обезболивающий, отхаркивающий, жаропонижающий, мочегонный, кровоочистительный; помогает при болезнях суставов (полиартриты и т. д.), мужском половом бессилии, женском бесплодии... Очень обнадеживающие результаты показало изучение травы при раковых заболеваниях и даже болезнях крови. Правда, в этих случаях пить ее нужно долго, как говорят, «столько, сколько корове на зиму нужно». Лекарственным действием обладает все растение: стебли, листья, цветки. Собирать линнею лучше всего во время цветения, сушить в тени, хранить в бумажной или матерчатой таре. Самый простой рецепт – столовую ложку измельченной травы залить кипятком в маленьком термосе (на стакан

воды) с вечера, на следующий день выпить в 3 – 4 приема перед едой. Вечером снова запарить в термосе – и так 30 дней. При необходимости курс повторить после 10-дневного перерыва.

Пейте «лесной чай» – и медикам будет меньше работы. В нашем северном лесу есть бесплатное лекарство, способное помочь и при простуде, и при радикулите, и даже рак вылечить можно, если набраться терпения. Только не забывайте: порог лесной аптеки надо переступить с чистым сердцем, с радостью и любовью ко всему, что растет на земле, – тогда травка отдаст вам свою силу.

## Сокровище

**Ч**то такое сокровище? Престижная квартира? Автомобиль-иномарка? Миллион рублей? Тысяча долларов? Золотое кольцо с бриллиантом? Вилла на Канарских островах?..

Сокровище – это топографическая карта. «Линце Земли». В него можно всматриваться бесконечно, читать, как увлекательнейшую повесть.

В последнее время человечество дает заметный крен к виртуальным (нереальным) мирам. Может быть, потому, что действительность стала малопривлекательной, а может, и потому, что люди разучились радоваться реальной жизни, перестали видеть, что она полна чудес, вопреки всем социальным передрягам, но нынешнего человека повсюду сопровождает виртуальный фон: в доме не выключается телевизор, на эстраде выступления актеров сопровождаются всякими подсветками и подтанцовками, из любой проезжающей по дороге машины всегда несется «музыка» – ритмично-шумовой фон. Утрачивается вкус к силе и прелести подлинного, всамделишного... Совсем как в сказке Андерсена, где принцессе один из женихов принес розу, она потрогала ее, спросила: «Настоящая?» И, получив утвердительный ответ, сделала недовольную гримасу: «Фи, настоящая...» Тем дорожке для меня в моем сокровище его подлинность. Хотя карта – это уменьшенная копия вроде фотографии, я точно знаю, что все, на ней изображенное, существует.

Когда на душе плохо, достаю и разглядываю, и «плохо» быстро уходит, рассеивается, как туман под солнцем.

«Тишина ламбушка». Жил на свете человек, звавшийся Тиша, и так подружился он с этой ламбушкой, что она унаследовала его имя, и вот дав-

но нет Тиши, а ламбушка с его именем осталась на Лице Земли.

«Бекешинская просека». Просек на карте много, она разграфлена ими на строгие квадраты, но у этой – собственное имя, и что-то, мне неведомое, с ним связано...

Ручьи Березовый, Лещевый, Покосный, Еловый, озера Щучье, Окуневое – тут загадок нет, все ясно. Великое множество на карте Карелии Черных речек и Светлых озер... А эти крошечные черные квадратики с лаконичными надписями: «изб.», «рыб. изб.», «охотн. изб.»... Каждая из них кем-то построена в лесу, и был момент, когда этот «кто-то» пришел сюда впервые и принял решение – поставить «жилушку». Такие избушечки строятся с вдохновением и удовольствием, с каким, вероятно, первобытный человек сооружал первое жилье, устав спать на деревьях, из минимума стройматериалов, предназначены для отдыха после трудных лесных и рыбачьих дел и защиты от непогоды; в них обязательно есть стол, нары, печка, необязательно – оконце и чайник. Предельно просто, как всякая необходимость. Есть, конечно, поэтические души, которые стараются и такое жилище украсить – на одном островке наружные стены «рыб. изб.» были украшены любовно вырезанными из дерева рыбками. Некоторые жилушки с таким вниманием обихожены, даже микроогородик рядом, и тогда понятно, что хозяин, скорее всего, Рак по гороскопу, это самый домовитый знак в зодиаке, он ни за что не станет жить как попало, организует и содзаст из ничего максимум удобств в самом неудобном месте...

Острова на Выгозере: Васькин, Большой Сенькин... Тоже кто-то оставил свои имена. А вот и след ГУЛАГа: остров Перековка, остров Изолятор. Болота: Косой Мох, Черный Мох, Гусиные болота, Рикшамох... Имена имеют болота огромные, бескрайние, как море – в одном из таких моя собака не выдержала его безжизненности и бесконечности, остановилась и завывала. Тоска охватывает душу живую в подобных болотах, а маленькие веселые болотца с морошкой и клюквой, с островками и деревцами обычно безымянные. Озеро Самсонова, озеро Попова – жизнь этих людей была накрепко связана с озерами, у каждого – со своим.

Много знакомых дорог и тропинок, озер и речек, болот и горюшек у меня на Лице Земли, а еще больше – незнакомых. И пока я жива и здорова, всегда есть возможность узнать их поближе – это и есть сокровище.

А шикарная квартира – всего лишь каменный скворечник. Иномарка – красивая консервная банка. Деньги – вода, уходящая в песок. Золото и бриллианты – металл и камни, блестящие холодно и бездушно. А Канарские острова со всеми их прелестями – чужбина...

## Население брошенных деревень

Угораздило меня в пути попасть под дождь. ... Думала – час, полтора польет и кончится, ан нет – и три, и четыре проходит, на мне уже сухой нитки нет, а дождю – конца... Дело к ночи, а мне пути еще километров десять.

Принимаю решение: добираться до деревни. Она хоть и в стороне от моего маршрута, но там покосы, должна быть и крыша. После пятичасового пути под проливным дождем любой навес представляется манной небесной.

...Крыша была, была даже печка в избе – просто счастье для измокшего путника. Две жилые комнаты – в одной окна застеклены, в другой затянуты полиэтиленом, который разорвали зимние ветра, – в этой комнате гулял теперь летний сырой ветер, попадал в окна и дождь. Я закрыла дверь в эту комнату, натопила печку, подсушилась и улеглась спать под монотонную дробь так и не прекратившегося дождя.

Проснувшись утром от неистового чириканья птиц. Дождь продолжался, но птички вовсю работали: кормили птенцов. В комнате, дверь в которую я затворила, оказалось гнездо ласточки-касапки, и она деловито летала через окна к нему, всякий раз сопровождая кормежку характерной звонкой трелью.

...Под крышей дома было множество других гнезд ласточек и трясогузок, и все они, несмотря на дождь, то и дело подлетали к своим деткам с добычей, распевая при этом радостно и громко.

Деревня утопала в высоких травах, и все уцелевшие дома были густо населены птицами.

Должно быть, ласточки и трясогузки поселились в этой деревне еще при людях, и каждый год весной находят ее «на лице земли», возвращаясь из жарких стран. Лет тридцать назад она обезлюдела, но птицам это не горе: им не столько люди нужны, сколько их постройки. Правда, последние с каждым годом ветшают и рассыпаются, но пока что-то еще держится. Люди, которые придут сюда через месяц, в июле, косить траву, такой бурной деятельности птичьего населения уже не зас-

танут: многие гнезда к тому времени опустеют, птенцы вырастут.

А сейчас, в июне, во всех таких полустертых с лица земли деревеньках кипит птичья жизнь в унисон с цветущей жизнью высоких трав.

## Печка

Прошлую зиму я жила с разваленной печкой: пролетел над домом вертолет, и рассыпалось внутри колено. Обращение к начальству результата не дало: «Нет печника». Дело было к весне, решила – перебыть.

Прошло лето, осенью прибыл печник, переделал печку, и если без колена она горела «как зверь», то теперь стала еле коптить. Ну, думаю, колено же, не на выхлоп. Однако с каждым днем все хуже, дымит, в комнате сажа, дальше – больше, и через полмесяца после ремонта от дыма уже деваться некуда стало.

...В тот день утром кое-как протопила, выгоняя полотенцем дым в открытую дверь, а вечером уже ничего не вышло.

Днем – очередной поход к начальству с дежурным результатом: «Печника нет, что делать, не знаю». А на дворе зима, в доме мороз, я отработала день, усталая, голодная... Снова пробую затопить – дым вместо тепла...

Хоть криком кричи от безысходности!

...Так часто бывает у моих небесных братьев и сестер – Скорпионов: в самое неподходящее время (а может, как раз в самое подходящее?), посреди холода, голода, в дыму и безнадее вдруг из всей этой нежители пробивается родничок исследовательской страсти: а ну-ка задвину заслонку. Так и есть, поток дыма не изменился, значит, он в трубу не попадает! Вновь открыла – и на улицу: над дымоходом хилая струйка, стало быть, через щели какие-то сочится, выхода наверх дыму нет. «Не знаю, что делать», – вспомнила слова начальника. А я, кажется, знаю! Надо перешагнуть через свою беспомощность и – действовать. Как говорится, не боги горшки обжигают.

Принесла свой геологический молоток, голову повязала, рукава засучила и раскурочила печку прямо под заслонкой. Обнажила оба колена: так и есть, одно горячее и так заросло сажей, что просвета почти нет, а второе холодное и чистое – дым в него не попадал.

Сполоснула руки от сажи, взяла карандаш и села ходы печные чертить. Десять минут вникала в

печную геометрию. И диву далась: печник обрусенное колено восстановил, но довел его зачем-то доверху и с соседним не сообщил. Начертила как надо, чтобы дым выходил и печь грелась – два лишних кирпича оказалось. Снова за молоток, кирпичи вон, проверила тягу и закрыла прореху – порядок.

Проблему решала – головой и руками – два с половиной часа. Неразрешимейшую! И все-таки справилась с ней.

...Натопила, отмылась – можно и спать, но радость мешает, поднимает на крыльях – радость преодоления, радость познания.

Хотелось кричать: «Виктория!» – как Петр Великий, когда разбил шведов: хотелось разбудить начальника и заявить ему: «Я теперь сама печник! Могу и вам крематорий сложить, не то что печь исправить!»

«Виктория» – это победа. Она возносит тебя на крыльях радости над самыми беспросветными обстоятельствами...

## Свет

Я люблю свет, все светлое, это не в «розовом свете» – вижу и тени, и грязь, все как есть, но свет – люблю, ищу его всюду, и если в темноте что-то светится, не поленюсь этот свет усилить, не пожалею своего – пусть в мире светлей.

Свет в людском мраке я просто ЧУЮ, потому что на светлое настроено мое сердце.

Если люди хотят меня сделать злой, смеюсь над ними – когда смеешься, всегда оказываешься НАД.

А серьезно мне бывает, когда я смотрю над собой. Там звезды. У них можно поучиться светиться. Под ними проходит жизнь моя: свеча, молитва, шепот огня в печке... И все, что я могу сказать людям – тем, которые рядом, и всем на свете, которые умеют слушать и будут, когда не будет меня.

...А сейчас меня очень много, сейчас я есть, рисую, думаю, смеюсь, работаю – СВЕТЛО.